

этического творчества, развивавшегося в дальнейшем в русле традиции Некрасова.²⁶ Ряд наиболее характерных стихотворений Вас. И. Немировича-Данченко (в том числе «Желание») до сих пор включаются в хрестоматии, сборники и антологии демократической поэзии того времени.²⁷ Стих его, по словам современного исследователя, отличался «легкостью и силой поэтической речи и эмоциональной приподнятостью».²⁸ Достоевский, очевидно, не вносил в стихи Немировича-Данченко каких-либо исправлений.²⁹

В связи с редактированием Достоевским присылаемых ему стихов необходимо остановиться еще на одном эпизоде, находящемся за пределами исполнения им этих обязанностей в «Гражданине». Среди многочисленных корреспондентов Достоевского, пробовавших свои силы в литературе и просивших у него совета, был и совсем неизвестный начинающий любитель К. С. Константинов, который 12 октября 1877 г. (дата на почтовом штампе) сообщил о себе автору читаемого в ту пору повсеместно «Дневника писателя»: «Отец мой был бедным учителем; рано умерев, он оставил мне азбуку да еще два или три кое-каких руководства; с этим наследством вышел из меня честный ремесленник, — и это, конечно, слава богу, а еще больше слава богу за то, что я вижу в себе сильные задатки литературного таланта; но, зная, что человеку легко быть пристрастным к себе, я думаю: не заблуждаюсь ли я относительно себя? — Будьте так добры — не откажитесь быть моим судьей...»

Я не осмелился послать к Вам моих произведений с этим письмом, но испросив у Вас позволения на это».³⁰ На конверте письма К. С. Константинова стоит помета Достоевского: «*Отвечил*». Видимо, сразу же после ответа Достоевского Константинов выслал ему свою тетрадь со стихами (она не сохранилась), а 19 ноября вместе с новым письмом еще пять стихотворений, которые просил присоединить к ранее отправленным.³¹ На рукописях этих дошедших до нас пяти стихотворений Константинова нет правки Достоевского, не нашедшего возможным их опубликовать. Но сохранились автографы еще трех стихотворений

²⁶ См.: *Немирович-Данченко В. И.* 1) Стихотворения. СПб., 1882; 2) Избранные стихотворения. М., 1893; 3) Стихи. 1863—1901. 2-е изд. СПб., 1902.

²⁷ См.: Русские поэты XIX века: Хрестоматия. 3-е изд. М., 1964, с. 829—830; Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968, с. 604—630 (Библиотека поэта. Большая серия); Поэзия Югославии в переводах русских поэтов. М., 1976, с. 53—54, 317.

²⁸ См.: Русские поэты XIX века, с. 829 (в предисловии Н. М. Гайденкова).

²⁹ Доказательством этого может служить отсутствие различий между публикациями «Гражданина» и текстами некоторых стихотворений, включенных из него в отдельные сборники, в то время как в стихотворениях, отредактированных Н. А. Некрасовым для «Отечественных записок», Вас. И. Немирович-Данченко при переиздании восстанавливал в большинстве случаев свой первоначальный текст (см. об этом: Некрасовский сборник, т. 4, с. 211).

³⁰ Вопр. лит., 1971, № 11, с. 205—206; полный текст письма см.: ИРЛИ, № 29745.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 242.1.79.

К. С. Константинова «Осенние недуги» и «Жизнь без прикрас» (под этим названием объединены два стихотворения), два из которых, возможно, Достоевский все же пробовал подготовить к печати, так как на них есть его пометы. В стихотворении «Осенние недуги» он выровнял ритм одной из строк, исправил неловкий речевой оборот в другой («Давно соловьи замолчали» вместо «Уж петь соловьи перестали», «На дамских поношенных лицах» вместо «У дам на поношенных лицах») и исключил последнее четверостишие, где Константинов от более приемлемого для Достоевского описания прозы осенней природы и жизни переходил к воспеванию будущей весны.³² Из двух других стихотворений, озаглавленных «Жизнь без прикрас», в первом — «Когда еще детьми с тобой мы были...» — нет никакой правки. Скорей всего, Достоевский не собирався его воспроизводить и предпочел ему второе — «Да, милая, я долго помпить буду...», — в котором заменил спотыкающуюся копцовку «О нет — мирясь в душе с моим страданьем, / Живу для ласки, для прощенья, для любви» более четкой и энергичной: «Нет, я живу одним моим страданьем... / Для ласки, для прощенья, для любви!». Стихотворения эти, судя по подписи А. Г. Достоевской на обложке, Достоевский, вероятно, намеревался передать в «Гражданин». Однако они там не появились.

Из сказанного можно заключить, что редакторская «воля» Достоевского выражалась, помимо участия в отборе стихотворений для журнала, также в исправлениях текстов начинающих поэтов, личность и стихи которых вызывали у него сочувствие. Что касается поэтов с уже определенно выявившейся индивидуальностью, таких, например, как Ф. И. Тютчев, П. А. Козлов, А. Н. Майков, то в их стихи Достоевский, по-видимому, не стал для себя возможным вмешиваться.

В. Д. РАК

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ В АПРЕЛЬСКОМ ВЫПУСКЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 г.

На обратной стороне отдельного небольшого листка, озаглавленного «Словечка» и содержащего черновые заметки к «Братьям

³² После пятой строфы:

О, птички, забавные птички!
Они рассудили отлично,
Что в наше практическое время
Им петь о любви не прилично... —

рукой Достоевского проставлена подпись (С. Константинов) и далее зачеркнуто:

Но, милые птички, я верю:
Наступит весна золотая —
И песнью любви вдохновенной
Зальются пернатые стаи.

Карамазовым» (ИРЛИ, ф. 100, № 29444; см.: 15, 211—212), записаны следующие шесть стихотворных строк:

Турк, Перс, Прусс, Франк и метительный Гишпанец,
Италия сын и сын наук Германец,
Меркантилизма сын, стрегущий свой товар,
И просвещение несущий всем швейцар
Пред Россом станут все, склонись главами, рядом,
А Росс, вняв воплям их, не обернется задом.

Под четвертой строкою и под шестою вписаны варианты, с учетом которых они читаются:

И просвещения сын услужливый швейцар
И
А Росс, влюбя их, к ним не обернется задом.

Это стихотворение было опубликовано А. С. Долиным в составе черновых материалов к «Братьям Карамазовым»¹ и приписано им Д. И. Хвостову² на том основании, что под именем незадачливого современника Державина и Пушкина («стих, кажется, графа Хвостова») четыре первые строки были напечатаны якобы по памяти («я помню даже четверостишие, в котором поэт перечисляет все народы Европы») в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (22, 116). Между тем в сочинениях «певца Кубры» нет подобного фрагмента, как не обнаружен он и у других поэтов той поры.

При отрицательном результате поисков такого рода никогда, разумеется, не может быть окончательной уверенности в том, что подозреваемая, но не найденная цитата не проскочила мимо внимания, затерявшись на одной из множества перепечатанных страниц, или не скрывается в какой-то из книг, по той либо иной причине оставшихся не просмотренными. Тем не менее в данном случае имеются некоторые основания предполагать, что автором был сам Достоевский, который намеренно ввел читателей «Дневника» в заблуждение.

Первая строка начинается скрытой цитатой из державинской оды «На взятие Измаила» — из той ее строфы, где воспеваются великодушные Россия-победителя:

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать;
Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем даки отдад грады пленны;
Там уны прою, тут буйт смирил;
И сколь ты был их победитель.

¹ Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 94.

² Там же, с. 361.

Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.³

Стихотворение, записанное Достоевским на черновом листке, выражает ту же мысль, что и державинская строфа, о которой оно напоминает читателю; однако представляемая последними двумя строками картина, рисуемая неуклюжим языком, придает всему фрагменту пародийный смысл и создает именно то впечатление, которое отлично соответствовало зыбкому, нечеткому представлению о поэзии графа Хвостова, складывавшемуся у людей последующих поколений не из непосредственного с ним знакомства, но из репутации автора, составившейся еще при его жизни, а далее передававшейся от десятилетия к десятилетию отзывами его знаменитых противников, в чьих широко читаемых сочинениях они находились в непрестанном обращении, свидетельствами мемуаристов, оценками в критических статьях и работах по истории литературы. Это впечатление подкрепляется и другими чертами: пазойливым повторением слова «сын», тавтологией «Прусс — Германец», смелюю размера в последних двух строках. Варианты четвертой и шестой строк еще более «подгоняют» стихотворение под перо, создавшее печально-бессмертной славы «зубастых голубей».

Если, таким образом, принять за явление Достоевского на веру, то он помнил какую-то пародию на Державина и считал ее автором, с известной долей неуверенности, Д. И. Хвостова. Зачем бы в этом случае искать ему в черновике возможность услышать «хвостовский» колорит? Никаких видимых причин для этого не обнаруживается, тем более что в «Дневнике писателя» варианты не получили отражения. Правда, изменения, предполагавшиеся в четвертой строке, связаны, как будет видно ниже, с развитием собственной мысли Достоевского, но в последней они чисто стилистические, «à la Хвостов», и потому ни в малейшей мере не являлись результатом приспособления чужой строфы к своим целям. К тому же, если бы это действительно был отрывок из какого-то поэтического произведения конца XVIII — начала XIX в., то, поскольку он уже долго и крепко держался у Достоевского в голове, не было бы никакой необходимости выискивать его целиком, а достаточно было бы, как писатель поступал в подобных случаях, ограничиться краткой заметкой-сигналом о намерении воспользоваться этим хорошо знакомым фрагментом. Следовательно, пояснение Достоевского, что цитата приведена им по памяти, вызывает большие сомнения.

С другой стороны, загадочное стихотворение очень хорошо вписывается в круг шуточных поэтических набросков Достоевского (17, 15—27), и если допустить, что принадлежит оно са-

³ Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1957, с. 162; курсив — автора статьи. Слово «Франк» в записи Достоевского можно рассматривать как входящее в цитату подменю слова «хин».

тому автору «Дневника писателя», то варианты не вызывают недоумения, возникающего при атрибуции Хвостову или кому-либо из его современников. Находится весьма правдоподобное объяснение и тому, почему Достоевский навел своих читателей на ложный след. Строка про швейцара оказалась подходящей, чтобы ее привести в полемике с В. Г. Авсеенко, но в отличие от всех других, подлинных цитат ее источник никому из читателей не был, естественно, известен, и потому требовалось как-то ее прокомментировать. Налечатать все стихотворение и назвать его истинного автора не позволял серьезный контекст: нельзя было выглядеть забавником, споря по важным, принципиальным вопросам. Маска Хвостова превосходно спасала положение (кто помнит, что он писал, и тем более станет прерывать тома его эпитимной поэзии, чтобы найти цитату!); но и при этом две последние строки были неудобны для печати.

Встает, однако, вопрос, не выписал ли Достоевский разбираемое народное стихотворение из какого-то издания — журнала, газеты или книги — 1870-х гг.

По наблюдениям комментатора черновых материалов к «Братьям Карамазовым», листок находился первоначально в тетради 1874—1875 гг.; заполнялся он в период работы над «Подростком» и обдумывания первых выпусков «Дневника писателя», а несколько лет спустя был вырван и присоединен к наброскам нового романа (15, 415, 610—611).⁴ Атрибутируемое стихотворение было записано не позднее апреля 1876 г., верхний предел датировки определяется лишь предположительно, сравнением с предыдущими записями. Выше стихотворения находится фраза, включенная в несколько измененном виде в январский номер «Дневника писателя» за 1876 г. («Э-эх! Да зачем же и жить, коли не для гордости?» — 15, 212; ср.: 22, 5); она была повторена в тетради 1875—1876 гг. на странице, заполнявшейся 5—8 ноября 1875 г. (24, 67), но вписана там на полях, т. е., очевидно, позднее, и не может служить ориентиром для датировки первичного ее появления у Достоевского. Сразу после этой фразы на листке значится слово «Медиуматы» (15, 212). Достоевский не обходился вниманием статьи по спиритизму, появившейся в начале 1875 г., однако пристально следил за дискуссией с осени, когда полемика накалилась (22, 334—335). Отсюда наиболее вероятным представляется, что вряд ли эта запись была сделана до последних месяцев года и, следовательно, к ним сдвигается ранний предел датировки стихотворения.

Круг чтения Достоевского в промежутке с осени 1875 до апреля 1876 г. подробно изучен комментаторами «Подростка» и «Дневника писателя», не встретившими приведенного в апрель-

⁴ Последним был в декабре 1876 г. записан стихотворный набросок «Крах конторы Баймакова...» (17, 33), а затем в 1878 г. выше него и после стихотворения «Турк, Перс, Прусс, Франк...» была вписана еще одна фраза (15, 611).

ском номере четверостишия. Если, тем не менее, допустить, что все же оно спрятано где-то в художественных произведениях или критических либо публицистических статьях, прошедших в это время через руки Достоевского, то непонятно, зачем понадобилось его приписывать Хвостову, сослаться на свою память и переделывать последнюю строку. Кроме того, с ноября 1875 г. все показавшееся Достоевскому примечательным из прочитанного так или иначе отразилось в записной тетради, но на это стихотворение в ней никаких пометок не встречается. Таким образом, хотя и существует вероятность того, что искомый фрагмент повсюду в комментаторских лакунах 1875 г., она в действительности очень мала.

Наконец, черновые записи позволяют предположить, что строка «И просвещение несущий всем швейцар...» вытеснялась постепенно в течение зимы — весны 1876 г.

В «Сюжетах для романов», относимых гипотетически к январю 1876 г. (22, 394), есть записи про обычай верить воспитание детей педагогам из Швейцарии: «Из-за границы принято, что всё умнее. Если б изобрел русский систему воспитания, господи, да его бы съели (...). Это прилично швейцарцу, немцу — ну, так и выписать его, а я генерал» (22, 147). Мысль перекликается с тем, что говорится по этому же поводу в апрельском выпуске «Дневника писателя», но весьма здесь уместная строфа Хвостова почему-то в этом случае Достоевскому не вспоминается. Не потому ли как раз, что еще не сочинена и нет даже замысла? (Если «Сюжеты для романов» записаны не в 1876, а в 1873 г., этот опровергающий авторство Хвостова довод сохраняет свою силу).

В конце января на процессе С. Л. Кроненберга заходила речь о содержателе пансиона для девочек в Женеве де Комба и зачитывались его письма, в которых обосновывалось происхождение каждого знака на теле воспитывавшейся в этом заведении дочери подсудимого (22, 352). Хотя в февральском «Дневнике» об этом говорится мимоходом, отрицательное эмоциональное впечатление от подобной скрупулезной бухгалтерии, будучи, по-видимому, сильным и продолжительным, а также поддерживаясь негодованием против воспользовавшегося ею В. Д. Спасовича, могло сыграть какую-то роль в том, что в апреле, полемизируя с В. Г. Авсеенко, Достоевский возвратился к теме антипатичных ему швейцарцев-учителей.

В черновых заметках к первой главе апрельского выпуска, набросанных в тетрадях 1875—1876 и 1876—1877 гг., «швейцар» упоминается трижды (24, 184, 188, 196), но посвященная ему стихотворная строка опять ни в одной из этих записей никак не фигурирует, несмотря на то что вторая из них представляет уже, например, очень точный конспект-план той главы апрельского выпуска, в которую войдет «цитата». Если учесть, что третья запись сделана позднее чтения газеты «Голос» за 19 апреля (24, 195) и что в черновых заготовках буквально каждого месяца предполагавшиеся для него темы, даже отдельные мысли и

фразы, тем более особенно важные или выразительные, варьируются, как правило, Достоевским неоднократно и на разные лады, эту «забывчивость», тянувшуюся столь долго, вряд ли можно признать случайной: строфы, очевидно, по-прежнему не существуют.

В последней записи оформляется каламбур: «Швейцар, потом их стали называть прямо в швейцары» (24, 196). Из этого в контексте всех предыдущих аргументов следует, что стихотворение «Турк, Перс, Прусс, Франк...» было, наверное, сочинено позднее с целью обыграть двойное значение слова «швейцар», написанного специально со строчной буквы в противоположность именам всех других (см. текст в начале статьи).

На стадии чернового автографа появилась, наконец, строка про швейцара, сначала в набросках (22, 224), а затем в окончательном тексте. Каламбур обыгран последовательным употреблением строчной буквы через всю главку, что будет выдержано и в печати (22, 114—118). В это же время помещается внизу страницы примечание, объясняющее происхождение «цитаты»; четверостишие не приводится еще целиком, а представлено двумя начальными словами «Турк, Перс».⁵ Видимо, оно или уже готово, или находится в процессе создания. Отвергнутый в конце-кошцов вариант четвертой строки явно вызывает к жизни поемами успешия каламбура.

Линия в наборной рукописи включена подделка под Хвостова в текст «Дневника», причем ради колорита старинной поэзии слово «швейцар» напечатано с прописной буквы.

Резюмируем: совокупность косвенных доводов поддерживает гипотезу о принадлежности Достоевскому стихотворения «Турк, Перс, Прусс, Франк...», которое предположительно можно датировать последней декадой апреля 1876 г.

Е. И. КИЯКО

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

1. Реализм фантастического в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и Эдгар По

Исследователи неоднократно отмечали, что интерес Достоевского к Эдгару По во многом определялся тем, что некоторые особенности творчества этого американского писателя были близки ему самому.¹

⁵ В опубликованных вариантах чернового автографа (22, 225, варианты к с. 116, строкам 42—46) ошибочно указано, что пет и этих двух слов. Следовательно напечатать: «Текста: Прусс ∞ Швейцар ... — пет» (см. черновой автограф апрельского выпуска, с. 65).

¹ Видиас М. Достоевский и Эдгар Аллан По. — Scando-Slavica, Copenhagen, 1968, t. 14, p. 21—32; Delaney-Grossman J. Edgar Allan Poe in Russia: A Study in Legend and Influence. Würzburg, 1973, p. 44—53. Ср. также:

Еще в 1861 г. в предисловии к публикации рассказов По в журнале «Время» Достоевский писал: «Эдгар По только допускает внешнюю возможность неестественного события (доказывая, впрочем, его возможность, и иногда даже чрезвычайно хитро) и, допустив это событие, во всем остальном совершенно верен действительности» (19, 88).

В этом же предисловии Достоевский отметил еще одну черту таланта Э. По, а именно силу его воображения. «Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, — писал далее Достоевский, — какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей <...> в повестях По вы до такой степени ярко видите все подробности представленного вам образа или события, что наконец как будто убеждаетесь в его возможности, действительности, тогда как событие это или почти совсем невозможно или еще никогда не случалось на свете» (19, 89).

Однако Достоевский не только сочувственно констатировал своеобразие художественных приемов изображения фантастического у Эдгара По, но и сам в аналогичных случаях шел тем же путем. Одним из характерных примеров, подтверждающих справедливость этого утверждения, является девятая глава одиннадцатой книги романа «Братья Карамазовы» «Черт. Кошмар Ивана Федоровича».

В 1870-х гг., когда создавались «Братья Карамазовы», об Эдгаре По много писали критики демократического лагеря, особо отмечавшие антибуржуазную направленность его произведений. Так, Н. В. Шелгунов говорил о По: «Его душит Америка своим филистерством и меркантилизмом». И далее, характеризуя особенности психологизма По, Шелгунов, в сущности солидаризуясь с точкой зрения, высказанной ранее Достоевским, писал, что Э. По «сделал попытку определить анализом те процессы души, которые для большинства остаются непонятными, неясными и невысказанными. Для положительных людей Эдгар По непонятен, но он им непонятен только потому, что они умеют считать до четырех».² Произведения По и статьи о нем неоднократно запрещались цензурой.³

В течение 1870-х гг. в русской периодике и в сборниках были напечатаны переводы более двадцати рассказов Эдгара По и его поэмы «Ворон» с предисловием автора, озаглавленным «Философия творчества».⁴

Соркина Д. Л. «Фантастический реализм» Достоевского. — Учен. зап. Томск. гос. ун-та, 1969, № 77, с. 112—124; Сафиуллин Я. Г., Мазина Л. М. Э. По и Ф. Достоевский. (К типологии фантастики). — В кн.: Романтизм и реализм в литературных взаимодействиях. Казань, 1982, с. 43—58.

² Дело, 1874, № 7—8, с. 363.

³ Об этом см.: Николошкин А. В. Литературные связи России и США. М., 1981, с. 342—346.

⁴ Библиографию переводов из Эдгара По см. в кн.: Delaney-Grossman J. Edgar Allan Poe in Russia, p. 191—198; ср.: Либерман В. А. Американская